

**Смирнов С. А.
О новой единице измерения истории
философии.**

Рец. на книгу: Философские поколения.
Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю. В.
Синеокая¹. 2-ое изд. М.: Изд. Дом ЯСК, 2022.
1232 с.

DOI: 10.47850/2410-0935-2024-19-336-343

Этот сборник приурочен к 100-летию Института философии РАН. Автором идеи, составителем и ответственным редактором выступила Юлия Вадимовна Синеокая.

Сборник уникален. Вообще-то это прецедент. Применять к философскому сообществу понятие поколения и рассматривать историю философии через призму философских поколений – задача пионерская. Так у нас пока еще никто не делал. Но стоит исследователю начать серьезно говорить на этот предмет, как тут же он встречается с целым рядом серьезных трудностей.

Понятие поколения – это понятие социально-психологическое. Это социально-психологическая группа, по которой происходит смена временных вех, периодов жизни. В науке принято считать поколением группу с интервалом в 22-30 лет.

Но как только мы начинаем говорить о философском поколении, то тут же возникает вопрос: значит ли это, что с интервалом в 20-30 лет происходит смена и философских поколений?

Ю. В. Синеокая признается, что это понятие применяется в сборнике с оговорками, и что философское поколение не сводится к биологическим и социально-психологическим феноменам.

Она попросила авторов сборника ответить на ряд вопросов, связанных с главной темой – к какому философскому поколению они принадлежат, и рассказать о своем поколении.

Ю. В. Синеокая задалась также вопросом: занятие философией – это общее, коллективное дело или это удел одиночек? Получилось, что авторы отвечают по-разному. И по факту собранного материала сами представители разных философских поколений позиционируют себя по-разному. Если поколение «шестидесятников» мыслит свое дело как коллективное, общее, то «восьмидесятники» выступают скорее как индивидуалисты.

¹ 16 февраля 2024 внесена в реестр иностранных агентов по решению Минюста РФ.

Согласен с автором-составителем, считающим, что введение понятия философского поколения задает истории живое, человеческое измерение, наполняет содержание человеческим контекстом. История философии начинает выглядеть как галерея живых лиц, портретов, имен, а не как перечень идей и понятий.

Примерное, рабочее понятие ФП звучит у Ю. В. Синеокой так: «Философское поколение – это духовная общность замкнутых на себе индивидуально-стей-монад, которые, находясь в пространстве интерсубъективности, создают единое трансцендентальное поле смыслов – свою поколенческую мифологию, отражающую не существование обособленных философских единиц, а умопостигаемое сообщество, живущее в трансцендентальной сфере духа и культуры» (с. 37).

Определение мудреное, не прозрачное, но смысл понятен. ФП не сводится к совокупности физических лиц, объединенных по паспорту. Это духовное сообщество, держащее на себе свой миф сообщества. И поэтому критерием ФП явно выступает не возраст, а духовное сродство, сформированное в определенный промежуток времени.

Итак, Ю. В. Синеокая задала своим коллегам вопросы по теме ФП и предложила им отнестись к ее пилотной схеме поколений. Их у нее получилось шесть.

Поколение пятидесятников. Это поколение севших за студенческую скамью после войны, но учившихся философии в довоенной парадигме. Это постсталинское поколение.

Шестидесятники – те, чьи студенческие годы совпали с реформами Н. С. Хрущева. Поколение оттепели.

Семидесятники-восьмидесятники – долгое поколение, начавшее свой путь в философии в конце 60-х, и растянулось до горбачевской перестройки. Поколение застоя.

Поколение 90-х – те, кто учился философии на заре перестройки вплоть до начала 1990-х. Поколение гласности.

Поколение 2000-х – те, кому сегодня 40+, и кто входил в профессию начиная со второй половины 90-х. Поколение рыночных реформ.

Поколение 2010-х – это внуки перестройки, плюс-минус 30-летние. Поколение протестное. Оно еще формируется.

К этому списку и оценкам Ю. В. Синеокая добавляет еще ряд метафор-ассоциаций: поколение догматической и адогматической марксистско-ленинской философии; поколение реформированного марксизма, Гегеля и Сартра; поколение Канта и Деррида; поколение Ницше, Фуко, Бердяева и Соловьева; поколение Хайдеггера, Витгенштейна и Ивана Ильина; поколение Делеза, Деннета, Мейясу и Хармана...

А можно и так, добавляет Ю. В. Синеокая: поколение, говорившее догмами, поколение, говорившее на своем птичьем языке, молчавшее поколение, поколение, переводившее на русский язык, поколение, переводившее на английский язык.

Ю. В. Синеокая признается, что список ассоциаций можно увеличить, а сами метафоры используются с оговорками. Пока же понятийный разговор впереди. Но смыслы уже выстраиваются и спрягаются.

Хотя, конечно, приведенные ассоциации весьма спорны. Смотря какой критерий для выделения ФП ставить. Очевидно, что сугубо политические критерии здесь не работают. Нельзя выделять ФП по критериям, идущим от смены политических режимов – оттепель, реформы, гласность, перестройка и проч. А если выделять ФП в зависимости от того, кто какие книжки читает и переводит, то получается, что у наших поколений вообще нет своего лица. А есть лишь смена увлечений. То поколение читает Гегеля с Марксом, то Фуко с Делезом, то Хайдеггера. Это, конечно, внешний признак и он не может служить основанием для выделения ФП.

Сборник разбит на «поколенческие» главы.

Во вводной статье Ю. В. Синеокая дает краткую характеристику каждому поколению, основываясь в том числе и на материале воспоминаний приглашенных авторов сборника. Во многом ее комментарии весьма точны и предметны.

Например, о поколении шестидесятников она пишет, что оно было поколением романтиков, его характерные черты – корпоративность и солидарность. Его представители хотели открытости миру, западная культура была и их культурой. Они хотели открыть железный занавес, оставаясь, однако, в целом, марксистами. Хотели освободить ленинизм от сталинизма, а коммунизм от тоталитаризма. Кстати, это было ярко воплощено в судьбе Э. В. Ильенкова или в деятельности И. Т. Фролова, мечтавшего о социализме с человеческим лицом. Но это поколение открыло занавес, получило международное признание, возобновило исследования по истории западной философии.

Начинается сборник с первой главы, где рассказывается о советских философах-марксистах 20-30-х годов XX века. Здесь автор С. Н. Корсаков, опираясь на редкие архивные материалы, показывает трагическую судьбу этого поколения на примере таких авторов, как А. М. Деборин, Б. М. Гессен, И. К. Луппол и др.

Вторая глава посвящена пятидесятникам. Здесь пишут о своем поколении такие авторы, как Д. И. Дубровский, Н. И. Лапин, Г. Л. Белкина. Они вспоминают главных героев своего поколения – Э. В. Ильенкова, А. А. Зиновьева, И. Т. Фролова и др. Можно согласиться с Лапиным, назвавшим это поколение «осевым» поколением. Фактически то, что сделали представители этого поколения, повлияло на все остальное развитие отечественной философии XX века. Все начиналось в середине 50-х. От этого начала пошли круги по воде. И здесь были ключевые авторы – названные А. А. Зиновьев, Э. В. Ильенков, а также М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий. Они были лидерами, заводилами, звездами, открывателями новых горизонтов, пассионариями. Теми настоящими буйными вожаками, за которыми шли все остальные. С этим я абсолютно согласен. Но это суждение дает нам право говорить, что деление на поколения в таком случае настолько условно, что вступает в противоречие с выделенной шести-коленной градацией. Можно сказать, что это было послевоенное поколение разновозрастных людей, кто-то из них уже успел повоевать (такие, как Зиновьев и Ильенков), кто-то был помоложе их на несколько лет. Но они объединились в один клубок-ядро, которое выстрелило и задало перспективу на последующие полвека развития отечественной философии.

Третья глава посвящена шестидесятникам. Здесь рассказ получился более цельный, богатый, разнообразный. Вспоминают А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский, Э. Ю. Соловьев, Н. В. Мотрошилова, С. С. Неретина, В. М. Розин, Н. И. Кузнецова и др. Главными героями, заметим, здесь также выступают опять Ильенков, Зиновьев, Мамардашвили.

Четвертая глава посвящена эпохе застоя, «глухим», молчаливым годам. Вспоминают А. Л. Доброхотов, Г. В. Сорокина, О. П. Зубец, М. Ф. Быкова и др. Здесь авторы едины во мнении, согласно которому это поколение молчаливых индивидуалистов, вынужденных выживать поодиночке.

Пятая глава рассказывает о поколении 1990-х. Вспоминают В. В. Васильев, Ю. В. Синеокая, Б. В. Межуев, В. В. Анашвили и др.

Шестая и седьмая главы посвящены молодым поколениям 2000-х и 2010-х. Особенно хороша последняя, седьмая глава. Свежие, искренние высказывания не ангажированных авторов, не загруженных воспоминаниями, свободных от привычек и стереотипов, но зависящих только от своих еще не утраченных иллюзий.

Сборник дает богатый материал для дальнейших исследований, сочетает в себе аналитический, исследовательский, мемуарный, автобиографический жанры.

В качестве комментариев, добавлений, а не в качестве критики, я бы заметил следующее.

Все же этот сборник есть нечто вроде жанра корпоративной философии. Как-то так получилось (впрочем, понятно, почему – по устоявшейся привычке власти держать при себе под надзором идеологические институты), что наша отечественная философия оказалась сосредоточена в Москве и в одном заведении – в ИФ РАН. Сборник фактически выглядит как история московской философии и история Института философии АН (РАН). Это история одного института. Мы не видим картины отечественной философии в целом. Точнее, картина отечественной философии до сих пор разворачивается в стенах одного института и рассматривается через его призму. Центральность, московскость, довление к столичности, остается критерием, фокусирующим наше внимание. Будем надеяться, что поколение 2010-х этот центризм преодолеет и философия по-настоящему станет сетевой, центробежной.

Следствия этой столичности проявляются в том, что в списках, в главах, среди авторов и среди героев, о которых пишут авторы, нет таких имен, как В. В. Бибахин, С. С. Хоружий, О. И. Генисаретский, Ф. И. Гиренок (разве что он упомянут молодыми ребятами, его бывшими студентами, в седьмой главе), К. А. Свасьян, А. В. Ахутин.

Слабо сказано о Г. П. Щедровицком (понятно, почему, он не был академическим философом и никогда не работал в ИФ АН), чья пассионарность и влияние на умы в стране сравнима, как сказал однажды В. А. Лефевр, с влиянием Б. Рассела в англо-саксонском мире.

Или называются имена только потому и теми, кто знал лично героя поколения. Например, Н. И. Кузнецова называет М. А. Розова (и его семинары в Новосибирском Академгородке). Или почти никто не вспомнил М. К. Петрова, за редким исключением, и то только вскользь, в общем списке. Никто не вспомнил В. Н. Сагатовского (работал в Томске, Симферополе, Ленинграде).

Фактически никто не вспоминал питерских философов. Как буд-то там ничего не происходило. Что, разумеется, не так.

Следствием «ифрановского» центризма является и то, что лишь мельком упоминаются такие фигуры, как М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, А. М. Пятигорский и многие другие. Если продолжать ассоциации, то этих авторов можно отнести к так называемому рассеянному поколению. Его представители рассеялись по миру, вынуждены были уехать из столиц, но влияние их было огромным и принципиальным. К примеру, М. М. Бахтин и Л. С. Выготский – мыслители первой величины, поставившие планку мышления на недостижимую высоту и задавшие самый дальний горизонт развития отечественной философии и методологии науки. Вполне объяснимо, почему они не попали в типологию поколений, представленную в этом сборнике. Они просто не втискиваются в эту типологию. И это несмотря на то, что Бахтин дожил до 1975 года, пережил при жизни собственный ренессанс в 1960-е у нас и на Западе и формально мог бы быть включенным в какое-то поколение. А Выготский, его почти сверстник (на год моложе), также переживший ренессанс, также на Западе и у нас, вообще выпал, поскольку физически уже не жил, скончавшись в 1934 г. Хотя мы признали, что физический критерий возраста к ФП не применим. Да и философом его не считают, опять же по сугубо академическим соображениям, а не по факту.

Поэтому следующим шагом было бы неплохо показать, как философские поколения разворачивались и в других местах, городах и странах, включая русскую диаспору, русский мир.

Я бы в этой связи предложил свою версию ФП.

Итак, ФП – это единица анализа, на примере которой можно рассматривать историю философии через призму выделения особой группы людей, которые объединяются в сообщество, но не по признакам принадлежности к корпорациям, институциям, журналам, не по признаку возраста или принадлежности к какой-то школе или традиции, а по *отклику, ответу на глобальный вызов*. Начинается все с исторического вызова, как со взрыва и с отклика на него, с формирования сознательного отношения к нему и принятия этого ответа на себя как своего *личного жизненного задания*. Поколение отличается от других групп тем, что оно берет на себя выработку ответа именно на этот глобальный вызов. То есть на *вызов времени*. Поэтому главный критерий выделения ФП – это время, уникальный, исторический отрезок, в момент которого этот вызов формируется. На первое место ставится в таком случае эта *ответственность и ответственность*. Все остальное отодвигается на второй план. И поэтому в одном поколении могут быть и марксисты, и феноменологи, и экзистенциалисты, атеисты, аналитики, и позитивисты и др. Но для них важно выработать ответ, а все остальное превращается в инструментарий, методы и технологии мышления. На первом месте – культурное задание. И ты либо подключаешься к нему, к его осмысленному выполнению, либо нет. А если нет, то ты можешь быть сверстником представителей того или иного поколения, но не входить в него. И надо сказать, что физически конкретный человек, коль скоро жизнь человека больше жизни одного поколения, может переходить из одного поколения в другое. Как, например, Мамардашвили может быть причислен и к поколению 50-60-х, и к поколению 70-80-х. И в каждом поколении он решал разные задачи.

Или, например, случай с упомянутым М. М. Бахтиным. Начинал он в 20-е годы. Ярко и гениально. Потом исчез с духовного горизонта. Потом вновь появился уже в 1960-е. Фактически попал в другое время. Но молодые филологи и философы, открывшие его в Саранске, уже не могли понять. Они не могли его услышать, поскольку все свои идеи он сказал в другом времени, в другой атмосфере. А то время ушло. И мы получили несостоявшийся, опоздавший разговор, как говорит В. Л. Махлин. А молодые исследователи и не могли его уже понять, в чем признался С. Г. Бочаров, один из открывателей Бахтина.

По этому ключевому критерию (*время поколения, вызов и ответ*) можно выделить ряд поколений в отечественной философии XX века.

Поколение 10-20-х годов. Поколение Славянского ренессанса. Это так называемый третий ренессанс, как о нем пишет Махлин, и как они сами себя называли (кружок «Омфалос» братьев Бахтиных). Впервые эту идею высказал античник Ф. Ф. Зелинский на этом кружке. Его представители понимали, что то, что делается в западной рационалистической философии, или то, что делается в марксистской философии, которая убивает мышление и становится идеологией («идеолект» у Бахтина), и то, что делается в русской софиологии, – не может быть принято как то, что адекватно времени. Нельзя так мыслить и действовать, так писать, так размышлять о мире и человеке, о предельных смыслах и горизонтах. Ни западный, ни русский, ни советский дискурсы их не устраивали. Они действовали по диагонали. Их нельзя считать прямыми преемниками предыдущих традиций (хотя все они на них выросли и были прилежными учениками Канта и неокантианства или феноменологии Гуссерля, или русского имяславия). Фактически их можно считать зачинателями антропологического поворота. Но фактически все они стали потом жертвами репрессий. Фактически они вырабатывали свою интеллектуальную и антропологическую альтернативу – и западной рационалистической мысли, и русской религиозной философии, и советскому идеологическому проекту.

К героям этого поколения можно отнести таких авторов, как М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, О. Э. Мандельштам, Л. В. Пумпянский, М. И. Каган (из «кружка Бахтина»), А. А. Мейер (кружок «Воскресенье»).

Поколение 30-40-х. Это поколение репрессированное, военное, погибшее. Здесь и те, кто активно пытался сотрудничать с властью, и те, кто бросил ей вызов. Но критерий лежит не здесь. Идеологический и политический критерий не может быть критерием для выделения ФП. Поэтому критерии, которые предложила Ю. В. Синеокая (см. выше), выделяя поколения по таким признакам, как реформы Хрущева, застой, перестройка, не могут быть таковыми. Поколенческие вехи должны опираться сугубо на философские задачи – поиск нового способа мышления, проблема времени и исторические вызовы, с этим связанные, проблема бытия, проблема выработки адекватных времени средств мышления и действия...

Поэтому это поколение репрессированных, рассеянных, расстрелянных, либо поколение тех, кто смирился, ушел во внутреннюю миграцию (как А. Ф. Лосев) или стал сотрудничать с властью, отказавшись вообще от своей философии (напр., М. И. Каган, неокантианец, друг М. М. Бахтина).

Трудно вообще говорить о как таковом философском поколении этих лет. Философии как института мышления уже не было. Ее место заняла идеология. А вскоре и вся страна стала одним единым целым – поколением войны. Были

и предатели, кто-то отсиживался, прятался, но большинство стало единым целым. И только следующему поколению после войны предстояло возродить философию как институт мысли.

Поколение 50-60-х. Это поколение не просто послевоенное, суть не только в этом. Это поколение взяло на себя задачу восстановления корней, истоков, нового начала, стремясь вернуться к чистой мысли, к оригиналу, к настоящему слову, к настоящей мысли. Об этом фактически уже говорил и сам Мамардашвили, один из героев поколения, в одном из своих последних интервью. Это поколение попало в ситуацию, как будто до них ничего и никого не было. Надо было начинать с чистого листа. И как будто отечественная философия стала возрождаться из молодых лейтенантов Советской Армии, Ильенкова и Зиновьева. Фактически главной задачей и становилось возрождение философии как институции. Поэтому не зря были взяты образцы чистого мышления в лице Гегеля и Маркса. К тому же они были разрешенными. Поэтому и родился Московский методологический (логический) кружок, основателями коего были А. А. Зиновьев, Г. П. Щедровицкий, М. К. Мамардашвили (быстро отошел и пошел своим путем), Б. А. Грушин (ушел почти сразу в прикладную социологию). А отдельно от них такой же ход делал Ильенков, у которого появились потом ученики. Реконструкция способа мышления К. Маркса и Гегеля стало для них задачей, решая которую они восстанавливали исходный способ существования самой философии, возвращая ей саму себя. Все остальное было уже вторично. Разумеется, способы реализации этой задачи были разные. ГП (Щедровицкий) строил свою СМД-методологию, идя параллельно западным авторам (Попперу, Фуко). Мераб (Мамардашвили) фактически на своем опыте выстраивал свою версию событийной феноменологии, и то, что утверждал до него Гуссерль, он открыл сам для себя независимо от него, не зная его. Представители поколения были настолько яркие и разные, что вскоре размежевывались и каждый шел своим направлением, у каждого был потом свой долгий путь. А способы существования этого поколения были долгое время сугубо клубные – кружки, квартирники. Это ММК, кружок Ю. Левады, кружки культурологов, психологов, социологов и проч.

Поколение 70-80-х. Это поколение молчунов, ушедших во внутреннюю миграцию. Оно хотело как-то сохранить философию, пусть и в таких душевных идеологических и политических условиях, зачастую уходя в эзотерику и используя Эзопов язык. Взрыв во время предыдущего поколения сменился тишиной в новое время. И главное – надо было сохранить мысль. Хотя бы даже в виде комментариев к чужим тестам, текстам классических или современных зарубежных авторов. Уже не было репрессий 30-х. Но было удушие 80-х. И разумеется, видя разницу с тем, что происходило в западной мысли, у поколения оставался один выход – ориентация на Запад, ориентация на западных авторов, которые там шумели и были модными. Поэтому поколение читало и переводило Сартра, Камю, Фуко, Делеза...

Но некоторые яркие представители предыдущего поколения перекочевали в это поколение. Чисто физически. Но они решали уже другую задачу – не начало мысли, а хранение мысли. Щедровицкий распространял свою методологическую веру. А Мамардашвили одинокой монадой носил на себе способ философствования. Ильенкова уже не было в живых. Зиновьева выслали. Пятигорский сам уехал на Запад. А их старшие товарищи, такие, как Бахтин

и Лосев оставались молчаливыми хранителями еще того великого начала, которое случилось в 10-20-е годы. То, что они знали и помнили, никому не было нужно. И понять их никто не мог. Это ярко видно в беседах В. В. Библихина с А. Ф. Лосевым, представлявших не просто разные поколения, а разные эпохи.

Поколение 90-х-2000-х. Это действительно уже другое время. Носители 50-60-80-х ушли в мир иной. Настала просто другая эпоха. Появились новые вызовы. Открылись шлюзы. Открылся железный занавес. Пошел вал публикаций, в том числе и своей собственной, только ранней, литературы. Открывшийся мир задал и образец – сугубо западный, либеральный. Сформировалось поколение, увлеченное неолиберальными идеями. Это было время открывания репрессированной мысли. Время толстых журналов и долгих разговоров. Разговоры были везде. На кухне, на ТВ, на страницах журналов. Публикации, книги, журналы, телевизионные передачи. Философы становятся телезвездами, они еще строят иллюзии, что можно построить социализм с человеческим лицом. И. Т. Фролов создает Институт человека и тем самым совершает подвиг, который понимается только сейчас. Все болеют иллюзиями относительно возможности дружбы с Западом. Автор этих строк в свое время тоже пережил этот период и эту болезнь, эти лихие 90-е, когда науку подкармливал дядя Д. Сорос, раздавая подачки, гранты, когда миф об открытом обществе витал в воздухе, когда западные мыслители как миссионеры один за другим наезжали в Москву, читали лекции и учили всех нас, местных туземцев, как надо жить и философствовать. А наша отечественная философия была похожа на туземную науку. Мы радовались очередным подаркам миссионеров. А они раздавали нам бусы и побрякушки, достаточно второсортный интеллектуальный материал. Мы же своего золота под своими ногами, свою богатейшую традицию, не хотели видеть.

Поколение 2010-х... Оно только зарождается, это верно. По-другому и быть не может. Его представители только формируются. Резкие, дерзкие. прагматичные. Знающие, чего хотят, рассудительные, начитанные. Быстро схватывают и расставляют свои приоритеты. Но вопрос перед ними стоит тот же самый: каково культурное задание у этого поколения? На какой вызов им предстоит отвечать? Ведь время действительно другое. И этот вопрос висит в воздухе. Пока трудно сформулировать культурное задание для этого поколения, в отличие от предыдущих поколений. Это поколение такого задания пока не имеет. Оно вынуждено определяться. И в этом плане это поколение потонуло и не сформировалось. Активностей много, а целого нет.

Если же посмотреть как бы сквозь поколения, стремясь удержать связность, то остается еще задача для всех поколений – удержание эстафеты, удержание преемственности, связности времени. Остается задача – как при рождении нового поколения не утратить главного, долгой памяти, приобщения к истокам, не утратить самих себя, своего начала. При всей разнице у всех поколений остается одна забота – не утратить связь с истоком, обрести свое лицо и сохранить философию как институт, не редуцируя ее к идеологии, к морали, литературе, критике разного толка, не свихнуться в консалтинг, не превратиться в сервильную службу при власти или при бизнесе. Пожалуй, последнее может быть тем поводом для нового культурного задания новому поколению и его новым испытанием.